

Литературное наследство

Выпуск 4-6. Часть 1

УДК 82-3
ББК 84
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 4-6. Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 514 с.

ISBN 978-5-458-53166-5

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытья и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53166-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуская в свет очередной том «Литературного Наследства», посвященный одному из лучших представителей «старой великой германской поэзии» (Ленин) и являющийся как бы итоговым по отношению к гетевским торжествам в СССР, редакция считает нужным предпослать ему несколько замечаний.

Гетевские торжества доказали снова, что мир расколот на два лагеря: лагерь агонизирующей буржуазии и лагерь победоносного пролетариата.

Чувствуя Гете, пролетариат отбирает в его наследстве все, что «принадлежит будущему» и что может послужить камнем в великом здании социалистической культуры. «Гете велик и ценен для пролетариата и социализма теми сторонами своего творчества, в которых наиболее ярко и полно отражались революционные идеи буржуазии периода «бури и натиска», направленные против феодализма и средневековья». Эти слова т. Бубнова прекрасно характеризуют отношение к Гете его истинных наследников—революционных пролетариев.

Выяснению позиций пролетарского литературоведения в той борьбе, которая развернулась вокруг памяти Гете, и критике буржуазных попыток захватить Гете в свои обезьяньи лапы и посвящена первая часть этого тома «Литературного Наследства».

Мы противопоставляем здесь нашу позицию—позицию марксистско-ленинской литературной науки—позициям буржуазного литературоведения. Исходной точкой нашего понимания является замечательное определение Гете, данное молодым Энгельсом: «В Гете постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так Гете то колоссально велик, то мелочен, то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество: напротив, оно побеждает его... Перед дилеммой—существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать,—перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, *de guette lasse*, перед незначительным веймарским министром».

Мы могли бы поставить эпитафией к нашей книге слова Энгельса: «Мы не упрекаем Гете, как это делают Берне, Менцель, за то, что он не был либерален, а за то, что временами он мог быть филистером; мы не упрекаем его и за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что свое эстетическое чувство он приносил в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и *menus plaisirs* ничтожнейшего немецкого двора. Мы вообще не делаем упреков ни с моральной, ни с партийной, а разве лишь с эстетической и исторической точек зрения...»

Буржуазные политики и ученые либо—как brave соратники Людендорфа—в противоположность Берне «упрекают» Гете за то, что он был слишком либерал, вольнодумец и плохой немец, либо—как услуживающие буржуазии социал-фашисты—подрисовывают ему нехватящий на их взгляд оттенок либерализма и превращают веймарского обитателя в столп Веймарской конституции. Противопоставляя указанное различие в подходе к Гете, т. Авербах в своей статье правильно указывает:

«Творчество Гете было подготовкой буржуазно-национального единства Германии и борьбой за него. Трудно переоценить его роль в этом деле. Напомним, что писал Фихте: «Только литература является единственной объединяющей связью науки. В духовном единстве своей литературы наш народ видит гарантию своего собственного духовного единства и вместе с тем залог своего национального возрождения».

И эта роль Гете является издевкой над современной немецкой буржуазией. Как на заре своего развития она была труслива в борьбе за национальное освобождение, как в период своего подъема она вела такие «освободительные» войны против Наполеона, в которых меняла господство французов на плетку русского казака,— так и теперь, заканчивая свое историческое существование, она своим господством закрепляет национальный позор Германии, поработенной Версалем и планом Юнга. Тот, кто задумается над исторической оценкой деятельности Гете, тот должен отдать себе отчет в том, что современной буржуазии никак не пристала роль наследника Гете».

* * *

«Литературное Наследство» по существу стоящих перед ним задач не могло ограничиться общей характеристикой гетевского творчества. Перед нами стояла задача подытожить все, что известно в нашей стране о Гете. И здесь обнаружилось, что до сих пор не было и нет ни одной суммирующей работы, систематизирующей прежние русские розыскания, посвященные Гете. Это понятно. С одной стороны, русской буржуазии, жадной и невежественной, было не до Гете: продукты «культуры» с парижских бульваров были ей ближе, понятней, родней, они-то и выдавались за «культуру Запада». С другой стороны, молодой пролетариат еще не смог уделить Гете того внимания, которого он заслуживает. Поэтому «Литературному Наследству» пришлось впервые поставить во всю ширь проблемы о связи Гете с Россией XIX века и с тогдашней русской культурой. Так выросла вторая часть нашей книги: многочисленные обзоры, с разных сторон подводящие итоги нашим знаниям о Гете.

Они неодинаковы. Если например большая работа В. М. Жирмунского не только приводит в известность стихотворное наследие Гете в русской поэзии, но и пытается его осмыслить,— пусть это еще не решение вопроса, пусть здесь есть ошибки, но она бесспорно сдвигает вопрос с мертвой точки, заостряет проблему, толкает к дальнейшей работе,— то например статья И. В. Сергиевского о Гете в русской критике представляет собою только первую во многом недостаточную попытку. И дело здесь не только в том, что говорить о русском гетеанстве как о вполне определенном и характерном явлении русской культуры (подобно например «вольтерьянству» или «байронизму») преждевременно. Даже при бедности отзывов можно и должно было осветить вопрос шире, привлечь ряд других высказываний. Не только шире, но и глубже следовало бы осветить эту тему, поставив на ее материале свежее, острее, актуальнее ряд вопросов. Однако и в таком виде, несмотря на свои недостатки, статья эта дает первый свод русских критических высказываний о Гете. Если статья С. С. Попова дает почти исчерпывающий свод отражений Гете в русской музыке, хотя и не претендуя на обобщение собранного материала, то работа «Гете в русском театре» едва ли исчерпала тему, хотя несомненно след, оставленный Гете в русском театре, не велик.

Эта группа статей сопровождается соответствующими библиографическими указателями: Б. Я. Бухштаба—«Гете в русских переводах», В. П. Зубова—«Гете в русской критике» и С. С. Попова—«Гете в русской музыке». Не претендуя на абсолютную полноту, они все же охватывают весь о с н о в н о й материал и разумеется на много превосходят все прежде имевшиеся библиографические работы по этим вопросам. Достаточно одного примера, чтобы сравнить масштаб проделанной работы: в недавно вышедшей четвертой книге журнала «Марксистско-ленинское искусствознание» помещена составленная научно-вспомогательным сектором Института ЛИЯ Комкадемии «Русская гетеана». Эта «Гетеана» содержит указание всего на 66 переводов русских поэтов из Гете, тогда как в нашем указателе (который мы сами не считаем исчерпывающим) их указано свыше 900!

Сообщения С. А. Рейсера и А. В. Федорова дают почти исчерпывающую картину прохождения сочинений Гете через русскую цензуру. Как известно, германская цензура тоже не была ласкова к «величайшему немцу», и сравнение этих материалов позволяет шире поставить тему об «опасном» Гете, преследуемом цензурой за всеми пограничными шлагбаумами. Обстоятельная работа М. А. Петровского знакомит советского читателя с объемом и судьбой литературного наследия Гете. Статья А. М. Эфроса посвящена детальному анализу художественного восприятия Гете в СССР. Сюда надо присоединить небольшие сообщения И. К. Ипполита о новонайденной рецензии Плеханова на книгу о Гете; М. К. Клемана—о неизвестных пометках Тургенева на вронченковском переводе «Фауста», Н. Н. Гусева—о новонайденном письме Толстого, посвященном Гете, и приведенную впервые на русском языке в сообщении Ф. П. Шиллера эпиграмму молодого Маркса на Пусткухена, добавляющую интересный штрих к отношениям Маркса к Гете.

Основное достоинство работы С. Н. Дурылина «Русские писатели у Гете в Веймаре» заключается в том, что она впервые не только в русской, но и в мировой литературе с такой полнотой охватывает тему русских связей Гете. Ниже нам придется еще сказать об уровне, на котором находятся знания буржуазных гетеведов по этой части. При рассмотрении их работ сразу выяснилось, какой клубок лживых легенд сплела буржуазия вокруг Гете, чтобы опереться на них в своей попытке приспособить Гете к обслуживанию своих корыстных нужд. Чтобы иметь представление о том, на каком уровне находилось изучение отношений Гете с русскими писателями, достаточно указать, что П. А. Висковатов в статье «Об отношениях Жуковского и Гете» («Литературный Вестник» 1902 г., кн. 5, стр. 6) пишет: «Жуковский был едва ли не единственным из русских писателей, лично знавшим Гете»; в работе же Дурылина приведен материал о связях Гете более чем с тридцатью русскими литераторами.

Оказалось достаточно просто привести в известность, свести и поставить рядом факты о русских связях Гете, как они заговорили сами, и, как шелуха, стали отпадать один за другим мифы о гетевской аполитичности, олимпийстве и т. д. Дурылин сам пытается создать некую схему освоения Гете, и при всех методологических недостатках его труда—о них мы сказали более подробно в предисловии к нему—он приобретает большое значение именно как первая попытка в противовес буржуазной историографии правдиво выяснить проблему отношений Гете к России. Значение труда Дурылина в том, что он поставил эту проблему и поставил не абстрактно, а на громадном, конкретно-историческом, документальном материале.

Из самого же Гете редакции пришлось ограничиться публикацией доселе неизданных переводов старых русских поэтов, в том числе Кюхельбекера, Огарева, Ал. Толстого и Тютчева и, что особенно любопытно,—раннего поэтического опыта Чернышевского; кроме того мы даем новый перевод пятого акта второй части «Фауста», сделанный В. Я. Брюсовым. Отметим между прочим, что проблема «Фауста», затронутая как в предисловии к этому акту И. К. Ипполитом, так и другими авторами нашего сборника (А. В. Луначарским, Л. Л. Авербахом, Б. И. Пуришевым и др.), не всегда разрешается одинаково, что естественно на сегодняшнем этапе марксистской критической оценки Гете.

Если мы выше говорили, что русская буржуазная литература оказалась совершенно беспомощной в этой теме, то ничуть не выше показала себя и европейская буржуазная наука. Тема «Гете и Россия»—несомненно один из самых необследованных и самых неразработанных участков как в западном гетеведении, так и в биографии самого Гете. Тема «Гете и Россия» не могла разумеется пройти мимо их внимания, и отклики на нее мы имеем, начиная с 30-х годов прошлого столетия. Начиная же со статьи Георга Шмидта «Гете и Уваров в их переписке» («Russische Revue» 1888 г., т. XVIII) и до наших дней, до последнего номера журнала «Germanoslavica», эта тема возникает довольно часто перед исследователями. Они сознают, что без разработки этой темы нельзя знать Гете, но не хуже они понимают и то, что добросовестное развитие этой темы приведет их к кричащему противоречию с буржуазным канонам легенды о Гете. Им остается лишь отмахнуться от темы. Так они и поступают, и те статьи на эту тему, которые нам известны, являются по существу либо отпиской от нее, либо грубым искажением исторической действительности.

Примером первого рода статей может служить напечатанная сравнительно недавно в солидном ученом издании «Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft» (1921 г., т. VIII) статья Евгения Цабеля «Гете и Россия». В этой статье все свалено в одну кучу: и интерес Гете к русской истории, и сношения его с русскими писателями, и отношения к Гете Белинского и Тургенева, и русская осетровая икра, которую любил Гете, и дружба Павла Жуковского (сына) с Рихардом Вагнером; это—«взгляд и нечто» на тему о Гете и России.

Примером статей второго рода являются статьи А. Погодина «Гете в России» и Р. Ягодича «Гете и его русские отношения» в «Germanoslavica» (1932 г., № 3). Эти статьи, не имеющие ровно никакого научного значения, не использующие и десятой доли наличного, уже известного в печати материала о российских связях Гете, отличаются совершенной теоретической беспомощностью. Зато тем яснее выступает их политический смысл, сводящийся к тому, чтобы созданием иллюзии гетевского олимпийства позволить империалистической буржуазии использовать Гете в своих интересах.

Дело не ограничивается литературой. Года полтора назад в Данциге состоялась помпезная «Goethe-Woche». В связи с этим была устроена и выставка «Goethe und der Osten»; на выставке была представлена Польша, Латвия и другие лимитрофы,

но по СССР не нашлось ни одного экспоната! Могут возразить, что здесь сказался провинциализм данцигской «учености», но есть и более разительные примеры «ученого» невежества. Для образца можно взять пользующиеся немалой популярностью в Германии ежегодники Киппенберга («Jahrbuch der Sammlung Kirpenberg»), посвятившие в одном из последних томов (т. VIII, 1930 г.) специальную статью Вильгельма Фрельса «Топография гетевских рукописей». Ученый автор водит читателя в поисках за гетевской строкой чуть не по всему миру: он предлагает поклоннику Гете вести линию от Парижа через Гренобль на Флоренцию, отсюда через Белград и Будапешт на Дерпт и Ревель, оттуда морем через Лунд (?) на Кембридж и форт Августа (Шотландия) и из Лондона обратно аэропланом в Париж,—этим он якобы очертил всю область местонахождения гетевского рукописного наследства. Для полноты автор прибавляет сюда и поездку в Северную Америку и в итоге он получает 90 пунктов от Ревеля до Нью-Йорка. Забыты лишь Ленинград и Москва, которые многим могли бы пополнить его познания и в которых буквально в десять раз больше автографов, чем в Дерпте или Белграде. В этом исключении Советской страны невежество приобретает политический оттенок.

Для ученых специалистов-гетеведов большое значение имеет статья А. Г. Габричевского, описывающая 32 новых, доселе неизвестных автографа Гете, находящихся в Советском Союзе. Некоторые из этих автографов, как например две Agenda, наброски из «Вильгельма Мейстера», письмо к фон-Мюллеру и другие, представляют самостоятельный интерес, т. е. не как записки, писанные рукой Гете, а как тексты, углубляющие и дополняющие наши знания о «делах и днях» Гете. И это только начало. Редакция, по сути дела, публикует итог самых первых своих достижений, результаты первых поисков и первых находок.

* * *

Особое внимание редакция уделила розысканиям новых архивных материалов по всем темам этого тома. Детальные розыски были произведены в фондах Централархива СССР, во всех государственных архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Любопытные материалы были извлечены и из ряда частных собраний (вплоть до нахождения четырех подлинных автографов Гете). Непосредственное обращение в Национальный Гете-Шиллер архив в Веймаре и в Франкфуртский Гетевский Музей дало возможность впервые опубликовать большое количество важнейших документов (в том числе и письма В. К. Кюхельбекера, А. И. Тургенева, Федора Толстого и др., о существовании которых не догадывался ни один русский исследователь!).

То же самое относится к подбору иллюстраций. Несмотря на большие трудности, встретившиеся на пути выполнения поставленных задач—всесторонне осветить в иллюстрациях все основные темы нашего тома,—несмотря на крайнюю дробность иконографических фондов и на полное отсутствие каталогов этих фондов в музеях, мы даем в этом томе свыше 250 иллюстраций, большинство из которых воспроизводится впервые. Наибольший интерес представляют здесь прижизненные портреты Гете и его автографы, сохранившиеся в СССР, а также неизвестные доселе портреты русских писателей.

Таков вкратце состав гетевского тома «Литературного Наследства». Созданный почти целиком по твердому плану, он является первым в ряду томов, которыми «Литературное Наследство» будет откликаться на большие литературные юбилейные даты. Редакция придает большое значение настоящей книге не только как итогу полугодовых трудов, но как показу «лица» нашего издания, наметке его типа и характера. Этот номер является как бы ответом на те замечания и указания, которыми встретила «Литературное Наследство» советская критика и которые редакция учла в своей работе.

В заключение редакция «Литературного Наследства» приносит свою глубокую благодарность всем учреждениям и лицам, помогшим ей в создании этого тома: директору Национального Гете-Шиллер архива в Веймаре Prof. Dr. Wahl, сотруднику Франкфуртского Гетевского Музея Dr. Rumpf, непременно секретарю Академии Наук СССР—ак. В. П. Волгину, зам. зав. Центральным Архивным Управлением СССР В. В. Максакову, директору Всесоюзной Библиотеки им. Ленина В. И. Невскому, ученому секретарю ленинградской Публичной Библиотеки В. Э. Банку и заведующему Рукописным отделением ленинградской Публичной Библиотеки И. А. Бычкову.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ГЕТЕ И ЕГО ВРЕМЯ ¹

Развитие капитализма в XVII, XVIII и в начале XIX века, подъем буржуазии, вторжение этого нового класса на всемирную историческую арену с явным стремлением взять власть в свои руки вызвали ряд явлений не только экономического и политического характера, но и характера культурно-идеологического.

Англия первая вступила на путь буржуазного развития. В Англии раньше, чем в других странах, произошел грандиозный социальный взрыв. И эта эпоха выдвинула в ней целый ряд блестящих, гениальных исследователей и поэтов — Бэкона, Шекспира, Мильтона, Гоббса и других мыслителей, доходивших до необыкновенно радикальных форм сокрушения всех устоев предшествующего общества. Несколько позднее Франция по стопам Англии вступила на ту же дорогу и, подготавливая свою Великую революцию, выдвинула плеяду изумительных людей, которыми буржуазия могла бы гордиться, если бы не отреклась позднее от лучшего, что было в их учении. Здесь мы видим и разъедающую насмешку Вольтера, и грандиозный сердечный, в области чувств происходящий, романтический бунт Руссо против всех основ цивилизации и классового порядка, и группу энциклопедистов, которая, сокрушительными ударами потрясая все здание старой культуры, закладывала фундамент нового мирозерцания и нового общества, признаваемого «рациональным» и «нормальным».

Но если в Англии и Франции эпохи буржуазной революции не было недостатка в мыслителях и поэтах, то центр движения буржуазии принадлежал все же политикам-практикам. В этих странах мы имеем «плебейскую», по выражению Маркса, манеру довершать движение буржуазии: королям рубили головы, разгоняли старую аристократию, стирали внутренние границы между сословиями и княжествами, изменяли законы и закладывали фундамент буржуазной демократии с огромной решительностью и последовательностью.

Волна контрреволюции пыталась позднее уничтожить завоеванное, но все-таки глубокие следы первых буржуазных завоеваний сохранились, и весь характер дальнейшего развития Европы зависел от этих грандиознейших событий.

Иначе шло дело в Германии. В своей замечательной книге по истории немецкой философии и религии Гейне первый отметил с необыкновенной чуткостью эту особенность.

К тому времени, когда на Западе бурно развертывалась молодая буржуазная культура, Германия имела уже некоторую прослойку буржуазии и группу буржуазных интеллигентов, которым не могло оставаться чуждым то, что делалось за границами Германии. Но все же это была страна отсталая. Сколько-нибудь значительных масс, которые могли бы поддержать

своих вождей, у немецкой буржуазии не было. И Гейне с изумительной пронизательностью отмечает, что в Германии, лишенной с самого начала возможности действовать практически, начинается процесс сублимации. Социальная активность, не выражающаяся в действии, преломляется в фантазию, в художественные образы, которые передаются в музыке, книгах и картинах, в замечательные узоры всяких идейных положений. Это тоже творчество буржуазной культуры, этим тоже кладется начало борьбы со старым порядком, со старыми идеями, но эта борьба ведется только словом, идейным оружием. Немецким мыслителям той поры присуще недоверие к непосредственной активности, к практическому делу, как таковому. Они склонны понимать самую суть мира, понимать самое существо человека идеалистически,—работа фантазии, напряженной мысли для них особенно дорога, именно ею они жили.

Можно ли сделать отсюда вывод, что если в Германии молодая буржуазия оказалась более слабой и неорганизованной, чем где бы то ни было, то зато в своей области, в области идеологии, она одержала безукоризненно блестящие успехи? Нет, дело обстоит не так просто,—дело не только в том, что Германия оказалась страной «мыслителей и поэтов», а не страной борцов и действия.

Когда я отметил идеализм, присущий самосознанию немецких мыслителей, я указал на вещь нездоровую с нашей точки зрения, с точки зрения пролетариата, но мало того: идеологи немецкой буржуазии не могли вообще свободно развернуться даже и в той области, деятельность в которой была им доступна,—даже их художественные творения заражены духом известной отсталости, остаются в плену того порядка, который существовал в Германии и сильно разнился от порядка, существовавшего в других западноевропейских странах.

Энгельс в своей статье «Положение Германии» пишет о германской буржуазии:

«Соединившись с народом, они могли бы ниспровергнуть старую власть и восстановить империю, как это отчасти сделали английские средние классы между 1640 и 1688 гг. и как это в то время делала французская буржуазия. Но средние классы Германии никогда не обладали такой энергией, никогда не претендовали на такое мужество; они знали, что Германия—только навозная куча, но они хорошо чувствовали себя в этой грязи, потому что они сами были навозом и чувствовали себя в тепле, окруженные навозом»².

И далее:

«Это была одна гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровожадного правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов. Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, не было сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм; весь народ был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений.

Единственную надежду на лучшие времена видели в литературе. Эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же самое время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гете и Шиллер, философы Кант и Фихте, а лет двадцать спустя—последний немецкий великий метафизик Гегель. Каждое замечательное произведение этой эпохи проникнуто духом протеста, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества. Гете написал «Геца

№ 1.

Wenn ich dein gedengte
 Fragt mich gleich der Schenke:
 Herr! Warum so still?
 Das von deinen Lehren
 Immer weiter horen
 Sage gerne will

Wenn ich nicht vergeffe
 Ueber der Cypresse
 Hält er nichts davon,
 Und im stillen Freize
 Bin ich doch so weis
 Hey wie Salomon

Ich bestätige das 1. und 2. Blatt
 Götze's Handschrift von
 J. G. Schwaner 1811

Götze

Автограф стихотворения Гете из „Западно-восточного Дивана“. Веймар, сентябрь—октябрь 1811 г.
 Институт Русской Литературы, Ленинград

фон Берлихингена», драматическое восхваление памяти революционера. Шиллер написал «Разбойников», прославляя великодушного молодого человека, объявившего открытую войну всему обществу. Но это были их юношеские произведения. С годами они потеряли всякую надежду. Гете ограничивался наиболее смелыми сатирами, а Шиллер впал бы в отчаяние, если бы не нашел прибежища в науке, в особенности в великой истории древней Греции и Рима. По ним можно судить о всех остальных. Даже самые лучшие и самые сильные умы народа потеряли всякую надежду на будущее своей страны»³.

Вот общая характеристика положения этих великих людей, среди которых величайшим был Гете.

Ленин учил нас, что есть два пути развития капитализма: американский путь развития—самый решительный путь, при котором капитализм расцветает бурно и оказывается в состоянии мобилизовать большие массы, сметающие со своего пути всю гниль прошлого, и другой путь,—который фатальным для Гете образом Ленин назвал прусским путем,—характеризующийся тем, что напор растущей буржуазии не может разрушить грязных дамб феодализма и просачивается сквозь них кое-как, буржуазия не располагает массами, которые в состоянии вести гражданскую войну с теми, кто препятствует развитию общества, и вследствие этого оторванные вожди, даже лучшие, даже самые проникательные, самые благородные, вынуждены идти на компромисс с господствующим классом; духовенство и дворянство остаются во главе общества, а буржуазия, довольствуясь отдельными уступками, приспосабливается, поддерживает их. Жертвой этого пути можно назвать и Гете. Громадная его слава свидетельствует о том, что он не явился жертвой до конца.

Мы знаем, что принесла с собой человечеству зрелая буржуазия и что приносит с собой теперь перезрелая буржуазия,—хорошего в этом мало. Но в начале движения мыслители молодой буржуазии, как это правильно отмечал Энгельс, перескакивали иногда даже за границы интересов своего класса. Именно в интересах своего класса, желая привлечь к нему симпатии огромных масс, они говорят, что дело, за которое они борются, делается для «народа», что жизнь людей в старом режиме—это накопление глупости, что история до сего дня была бессмыслицей, но что так будет до тех пор, пока не будет провозглашен примат разума,—когда все начнет освещать разум, все изменится и все муки отойдут в прошлое. Правда, при дальнейшем своем развитии победившая буржуазия отнюдь не выполняет обещаний своих смелых мыслителей. На первый план выступают теперь не мыслители, не поэты и даже не политики, а те, кто является основой буржуазии,—промышленники, торговцы, позднее банкиры. Они разворачивают до изумительных пределов точную науку и основанную на ней грандиозную по размаху технику. Но одновременно, как говорит Маркс, они разворачивают циничный, обнаженный торгашеский дух, они изгоняют все следы былой революционной романтики, неприкрыто ставят вопрос о барыше и, продвигаясь по дороге накопления все больших и больших богатств, безжалостно топчут человеческие существа. Все больше и больше сказывается эксплуататорская сущность буржуазии, и в то же время растет антипод буржуазии—пролетариат. Буржуазия изменяет своим прежним идеалам. Она заменяет красное знамя знаменем розовым, за тем розовое знамя—оранжевым и наконец доходит до черной реакции. Она идет все дальше напопятную и вновь протягивает руку дворянам и попам. Теперь не эти последние являются господами, которые пользуются поддержкой буржуазии; теперь буржуазия—господин, прибегающий к поддержке классов, потерявших первенство. Но все это создает в империалистическом мире приблизительно такую же реакционную мешанину, какую мы видим в начале капитализма, развивающегося прусским путем. Теперь эти страдания появляются от перезрелости капитализма, а тогда их причиной была его незрелость, медленность темпов его развития, накладывающая на творчество и жизнь мыслителей печать мучительной заторможенности.

Все особенности начала прусского пути развития буржуазного общества в величайшей степени сказались на Гете. Не было ни одного мыслителя, ни одного поэта того времени, который бы с такой силой переживал молодое, творческое буржуазное начало, весну нового класса, как Гете.

Блестящее освещение личности Гете в ее внутреннем противоречии сделано Энгельсом в его статье «Немецкий социализм в стихах и прозе»:

«Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его «Кротких Ксений» и во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в «Маскараде», защищает его от напирającego на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о французской революции. Дело не в том, что Гете признает будто бы лишь отдельные стороны немецкой жизни в противоположность другим сторонам, которые ему враждебны. Часто это только проявление его различных настроений; в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так Гете то колоссально велик, то мелочен, то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества (*misère*) над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить. Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его сила, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой—существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать,—перед этой дилеммой Гете находился постоянно. Чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, *de guerre lasse*, перед незначительным веймарским министром. Мы не упрекаем Гете, как это делают Берне, Менцель, за то, что он не был либерален, а за то, что временами он мог быть филистером; мы не упрекаем его и за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что свое эстетическое чувство он приносил в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и *menus plaisirs* ничтожнейшего немецкого двора. Мы вообще не делаем упреков ни с моральной, ни с партийной, а разве лишь с эстетической и исторической точек зрения; мы не измеряем Гете ни моральным, ни политическим, ни «человеческим» масштабом. Мы не можем здесь представить Гете в связи со всей его эпохой, с его литературными предшественниками и современниками в его раз-

витии и в жизни. Мы ограничиваемся поэтому лишь тем, что констатируем факт»⁴.

Но если Гете был так загрязнен и в эстетическом, и в бытовом, и в политическом отношении, если он в такой огромной мере оказался в плену предрассудков, то не должны ли мы сказать буржуазии: Гете ваш, нам делать с ним нечего, хороните его, как хотите,—пусть мертвые хоронят мертвого, а Гете принадлежит вашему миру, миру мертвых?

Энгельс не так смотрел на Гете; он не только безоговорочно называет Гете величайшим из немцев, но, так как эта статья написана против Грюна, против мещанского восхваления Гете, Энгельс дополняет:

«Если мы выше рассматривали Гете лишь с одной стороны, то в этом вина исключительно г-на Грюна. Он совсем не изображает Гете со стороны его величия. Он спешит проскользнуть мимо всего, в чем Гете действительно велик и гениален»⁵.

В разных местах Энгельс прямо указывает на величайшие достижения Гете. Так например Энгельс в статье «Положение Англии», говоря о Карлейле, попутно высказывается и о Гете: «Гете неохотно имел дело с «богом»,—говорит он,—от этого слова ему становилось не по себе; он чувствовал себя, как дома, только в человеческом, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии именно и составляют величие Гете. В этом отношении с ним не могут сравниться ни древние, ни Шекспир. Но эту совершенную человечность, это преодоление религиозного дуализма может постигнуть во всем его историческом значении лишь тот, кому не чужда другая сторона немецкого национального развития—философия. То, что Гете мог высказать лишь непосредственно, т. е. в известном смысле «пророчески», теперь развито и доказано в новейшей немецкой философии»⁶.

Нет, ни в коем случае мы не можем сказать буржуазии: Гете ваш. Гете принадлежит не только буржуазии, он какой-то своей стороной принадлежит и нам.

Как же развивался этот человек и что принес он с собой? Здесь подобно маяку светит характеристика, данная Энгельсом.

Что это такое Sturm und Drang молодого Гете? Все, кто видел Гете в кругу взволнованных молодых людей, которым претило окружающее убожество, которые не хотели больше жить в смрадной мгле, которые хотели выявить может быть еще не совсем ясные мечты и осуществить их в жизненной практике,—те, кто видел Гете в кругу этих людей, говорят о нем, как о блистательном явлении среди явлений второстепенных. Это был человек физически, морально и умственно одаренный до такой степени, что все, к нему приближающиеся, отмечали его исключительность и оставались очарованными им.

От имени своего поколения, назвавшего себя поколением гениев, Гете, подлинный гений, ставил для себя и для других гигантскую задачу. Задача эта была не политическая, а чисто индивидуальная: развернуть все таящиеся в человеке возможности.

Это и есть тот критерий, благодаря которому можно сравнивать различные общественные строи, порядки и уклады. Маркс говорит, что тот общественный строй выше, который позволяет максимально развернуть все заложенные в человеке возможности. Маркс понимает это самым демократическим образом: возможности, заложенные во всяком человеке, заложены и во всем человечестве. У Гете может быть эта мысль имела более аристо-